

*Н.В. Промыслов
Институт всеобщей истории РАН (г. Москва)*

Образ России на страницах газеты «Монитор» накануне войны 1812 года

24 июня 1812 г. Великая армия Наполеона перешла границы Российской империи. Начинаясь война, которой суждено было коренным образом изменить соотношение сил в Европе.

К походу против России готовились задолго. Отношения между двумя союзниками по Тильзиту стали портиться после неудачной попытки Наполеона породниться с российской императорской фамилией и заключения брака с австрийской принцессой Марией-Луизой. Уже 16 марта 1810 г. министр иностранных дел Франции, Шампаньи, подал своему императору доклад об отношениях с Россией, в котором предложил начать подготовку к войне с восточным соседом¹. С весны 1811 года Наполеон стал усиливать гарнизоны крепостей в Германии, а также «дивизию Даву», которая стояла на границе герцогства Варшавского и была дивизией только по названию, а в начале войны была превращена в корпус. Уже летом 1811 г., по мнению большинства историков, поход был делом решенным окончательно и бесповоротно². Таким образом, вся подготовка к походу против России заняла более года. Так долго Наполеон готовился только к так и не состоявшейся экспедиции против Англии. Но в период подготовки этой экспедиции, Великобритания уже находилась в состоянии войны с Францией, и необходимость готовить армию в такой ситуации не требовала объяснений. Россия же в 1811 г. формально являлась союзником Франции, поэтому необходимость войны с ней нуждалась в идеологическом обосновании. Имело ли место такое обоснование в наполеоновской печати, рассчитанной на широкую публику?

В своей статье я попытаюсь проследить, какой образ России формировал у своих многочисленных читателей главный орган официальной печати Франции — газета «Монитор» с января 1811 г. и вплоть до начала военной кампании 1812 г.

Отношение французской прессы периода правления Наполеона к России освещено в исторической литературе явно не достаточно, возможно, потому, что из-за существовавшей тогда во Франции строгой цензуры исследователи наполеоновской эпохи не считали газеты информативным и надежным источником³.

Николай Владимирович Промыслов, аспирант ИВИ РАН (г. Москва). E-mail: npromyslov@list.ru.

¹ Текст доклада см. *Шильдер Н.К.* Император Александр I. Т. 3. СПб., 1897. С. 471–483.

² См. например: *Вандаль А.* Наполеон и Александр I. Т. 4. Ростов-н/Д, 1995; *Е.В. Тарле.* Наполеон. М., 1989; *А. З. Манфред.* Наполеон Бонапарт. М., 1997. Duffy Chr. Borodino and the war of 1812. London, 1972.; *Tulard J.* Le Grand Empire, 1804–1815. Paris, 1977. Во многом эта точка зрения базируется на сведениях мемуарных источников. Так, Коленкур упоминает о разговоре императора с министром военного снабжения де Сессаком, который происходил в середине августа 1811 г. и во время которого император дал своему министру поручение готовить большое количество транспортных средств для похода против России. *Коленкур А.* Мемуары. Таллинн, Москва, 1994. С. 63.

³ *Cabanis A.* La presse sous le Consulat et l'Empire (1799–1815). Paris, 1975. P. V.

В отечественной историографии прессе времен Наполеона в свое время была посвящена небольшая работа Е.В. Тарле⁴, который отмечал невысокую информативную ценность газет наполеоновской эпохи как источника для получения новых исторических фактов, либо выяснения новых подробностей уже известных событий. Он писал, в частности: «Всякий историк, которому приходится работать над наполеоновским периодом, знает, что пресса времен Первой империи решительно ничего не может ему дать, занимается ли он политической, экономической или культурно-стороною той эпохи»⁵. Поэтому Тарле интересовали в первую очередь взаимоотношения государственной власти и прессы. Он подробно останавливался на тех гонениях, которым подвергались периодические издания эпохи Первой империи, уделяя мало внимания вопросам организации газетного дела. Также автор подчеркивал огромное личное влияние Наполеона на содержание французских периодических изданий.

Взаимоотношения прессы и государственной власти посвящена также статья Д.М. Туган-Барановского⁶. Автор кратко характеризовал цензурную политику Наполеона и подчеркивал, что именно с помощью прессы создавался тот героический образ Бонапарта, который во многом сохранился до наших дней⁷.

Во французской историографии эта тема также была не очень популярна. Среди обобщающих работ следует в первую очередь упомянуть многотомную «Историю прессы», в первом томе которой имелась отдельная глава об эпохе Консульства и Первой империи⁸, где довольно подробно описывалась цензурная политика Наполеона, а также приводились некоторые данные о тиражах газет той эпохи.

Более подробно указанные сюжеты были рассмотрены в книге А. Кабаниса, которая целиком посвящена газетам периода правления Наполеона⁹. Она состояла из двух частей. Первая была посвящена внутренней организации издательского процесса: взаимоотношениям редакции с журналистами и вопросам оплаты материалов для печати, здесь же приводятся данные о бюджетах центральных и местных газет того времени, а также некоторые технические подробности типографского дела. Во второй части анализировалась роль прессы в формировании общественного мнения, и очень подробно освещалась цензурная политика эпохи Консульства и Империи.

Автор подчеркивал двойственность политики императора по отношению к газетам. С одной стороны, после прихода к власти Наполеон публично заявил, что хочет возродить свободу прессы «без тех злоупотреблений, которые были во времена Революции»¹⁰ и является противником цензуры, так как не желает отвечать за все, что может быть сказано или написано¹¹. С другой стороны, количество периодических изданий при Консульстве и Империи постоянно сокращалось, а сотрудники их, и в первую очередь редакторы, становились государственными служащими¹², что, без сомнения, облегчало властям контроль за прессой. Печать во Франции времен Первой империи была, в первую очередь, орудием пропаганды, которой руководил сам император, время от времени лично писавший статьи для «Монитера».

Проблеме эволюции образа России в общественном мнении Франции была посвящена монография Ш. Корбе, охватывающая время от прихода Наполеона к власти и до заключения в конце XIX в. франко-русского союза¹³. Основными источниками для исследователя послужили газетные публикации и книги о России, вышедшие в указанный период. Автор отмечал, что после Тильзита

⁴ Тарле Е.В. Печать во Франции при Наполеоне. Пт., 1922. Позднее эта работа была переиздана в Тарле Е.В. Сочинения. Т. 4. М., 1959.

⁵ Там же. С. 4.

⁶ Туган-Барановский Д. М. «Лошадь, которую я пытался обуздать» (печать при Наполеоне) // Новая и Новейшая история. 1995. №3.

⁷ Там же. С. 179.

⁸ Histoire générale de la presse française / Sous la dir. de C. Bellanger, J. Godechot et autres. Paris, 1969. Т. 1. Cabanis A. Op. cit.

⁹ Ibid. P. 165.

¹⁰ Ibid. P. 167.

¹¹ Ibid. P. 100.

¹² Corbet Ch. L'opinion française face à l'inconnue Russe (1799–1894). Paris, 1967.

и до начала кампании 1812 г. французская пресса гораздо меньше интересовалась Россией, чем в 1801–1805 гг. Большие статьи найти довольно трудно, в основном сообщали новости о петербургском дворе, комментировали политику правительства, писали о благосклонности императора Александра I к французскому послу, пытались придать больший вес союзу с Россией¹⁴. Также мало выходило и книг о России. И только накануне или даже в самом начале войны появилось несколько значимых сочинений о Российской империи. Среди них наибольшую известность получила работа Шарля Лезюра¹⁵, где было опубликовано знаменитое «завещание Петра Великого», якобы содержащее планы российских монархов по завоеванию всеевропейского господства.

По мнению Корбе, появление русофобии во французском обществе, бывшей долгое время латентной, было связано с кампанией 1799 г., и дальнейшие столкновения двух государств только усиливали ее. В результате в 1812 г. рекруты из пригородов и деревень часто с удовольствием отправлялись в поход на Россию. Негативное отношение к русским распространилось настолько, что в 1814 г. высшие классы французского общества вынуждены были убеждать низы, что «злые казаки» являются выдумкой газет¹⁶.

* * *

На протяжении XVIII в. общественное мнение играло все большую роль в жизни Франции, тем более его влияние усилилось в период Революции. Бонапарт видел эту тенденцию и на протяжении всей своей карьеры пытался управлять общественным мнением Франции и завоеванных стран.

Еще во время Итальянского похода он организовал два печатных издания, а во время Египетского похода им были основаны два издания в самом Египте и одно — на Мальте¹⁷.

Одно из первых действий Наполеона после прихода к власти — подчинение всей прессы своему контролю. С помощью прессы у подданных империи пытались создавать социально-политические стереотипы, оправдывающие политический режим и его внешнюю и внутреннюю политику¹⁸. Благодаря постоянному контролю со стороны государства, за время правления Наполеона влияние прессы на общественное мнение возросло за счет проведения всеми газетами сходной редакционной политики и большего охвата населения периодическими изданиями. Одновременно, улучшилась и внутренняя организация газетного дела¹⁹. По декрету от 3 августа 1810 г. в каждом департаменте могла быть только одна политическая газета²⁰. Следствием этого решения стало, с одной стороны, закрытие многих «сверхштатных» газет в провинции, но с другой — появление собственных изданий там, где раньше их не было. В результате именно тогда многие департаменты обзавелись своей первой регулярно выходящей политической газетой²¹.

О важности печатного слова для Наполеона говорит и тот факт, что во время войны в Испании император требовал от своих маршалов жесткого контроля над местной прессой, давал четкие указания, что именно необходимо печатать в этих изданиях. Одновременно Наполеон приказал распространять на оккупированных территориях памфлеты, направленные на дискредитацию прежней династии²². Кроме того, по указанию императора, в войска, расположенные в Испании, отправляли для распространения среди старшего командного состава номера «Монитера», а адмирал Декре высылал по 50 экземпляров каждого номера морским комиссарам в Ла Рошели, Гавре, Нанте и Бордо, откуда раз в месяц газеты отправлялись в колонии. После присоединения в 1810 г. Голландии «Монитер» стали посылать на Яву²³. Таким образом, Наполеон не оставлял без пропагандистского воздействия ни один, даже самый отдаленный район своей обширной империи. Во время военных кампаний по

¹⁴ Corbet Ch. L'opinion française face à l'inconue Russe (1799–1894). Paris, 1967. P. 73.

¹⁵ Lesur Ch. Des progress de la puissance Russe, depuis son origine jusqu'au commencement du XIX siècle. Paris, 1812.

¹⁶ Corbet Ch. Op. cit. P. 85–86.

¹⁷ Cabanis A. Op. cit. P. VI.

¹⁸ Туган-Барановский Д. М. Указ. соч. С. 161.

¹⁹ Cabanis A. Op. cit. P. VII.

²⁰ Так называлась газета, печатавшая известия о политической жизни страны и мира.

²¹ Cabanis A. Op. cit. P. 74.

²² Тарле Е. В. Печать во Франции при Наполеоне // Тарле Е. В. Сочинения. Т. 4. М., 1959. С. 497.

²³ Cabanis A. Op. cit. P. 269–270.

всей стране активно рассылали бюллетени о событиях на театре военных действий, эти издания отправлялись и в страны, напрямую не замешанные в конфликте.

По указанию Наполеона, все министры, в том числе и министр иностранных дел, регулярно составляли аналитические записки по деятельности своего ведомства для «Монитера»²⁴. Согласно же циркуляру 1807 г. «Монитер» получил монополию на всю политическую информацию, остальные газеты могли только перепечатывать то, что уже сообщалось в нем. Правило это соблюдалось очень точно, так как за всеми изданиями внимательно наблюдали чиновники специального департамента министерства полиции, отделения которого находились во всех департаментах Франции. Министр полиции ежедневно лично просматривал все парижские газеты, однако наиболее суровым цензором был сам Наполеон, также ежедневно контролировавший содержание всех политических газет. Надзор за прессой производился и самими журналистами и редакторами газет, активно писавшими друг на друга доносы²⁵. Нарушать циркуляр о монополии «Монитера» на политических новости никто не решался. Поэтому именно «Монитер» являлся газетой, по которой лучше всего можно проследить политику властей по формированию общественного мнения Франции.

Во время правления Наполеона «Монитер» выходил ежедневно на четырех-восьми полосах формата ин-фолио. Первые несколько полос отдавались международным сообщениям, если таковые имели место. Затем следовали новости из внутренних областей империи, законодательные акты, новости из министерств. Далее обычно публиковались сообщения из Института, обзоры новых книг и театральных постановок. Этот порядок публикации материалов не нарушался никогда: даже такие важные события, как рождение наследника или начало кампании 1812 г., не смогли оттеснить с первых полос малозначимые заграничные новости²⁶.

В каждой заметке на тему международной политики сперва указывалась страна, откуда пришло сообщение, потом город и дата его отправления. Интервал между днем отправления и днем публикации для новостей из Санкт-Петербурга составлял обычно не менее трех недель. Вести из других городов России шли дольше. Вероятно, корреспонденты «Монитера» находились в столице при французском посольстве, поэтому любое сообщение должно было пройти через Петербург, что замедляло его доставку в Париж. Одним из источников информации для «Монитера» были донесения посла в министерство иностранных дел, попадавшие в газету в сильно урезанном виде²⁷. Российская пресса, скорее всего, не была сколько-нибудь значимым источником сведений о Российской империи²⁸.

Сообщения, касающиеся России, приходили и из других стран; например, публиковались перепечатки из английской прессы. В таком случае новость появлялась через три-пять дней после выхода газеты, ставшей источником данной информации.

Характер сообщений был довольно разнообразным: события при дворе, назначения на должности и награждения российских чиновников и военных, научные изыскания, производимые в России, развитие торговли, сельского хозяйства и промышленности, все это становилось предметом для обсуждения на страницах французской газеты. Довольно много писали и об особенностях климата в отдельных частях Российской империи. Тон сообщений всегда оставался нейтральным, любые авторские оценки событий отсутствовали.

Сообщения из России приходили довольно часто, в среднем в 8–13 номерах за месяц на страницах «Монитера» появлялись какие-либо заметки о Российской империи. Но бывали и времена, когда новостей приходило заметно меньше.

²⁴ Cabanis A. Op. cit. P. 105.

²⁵ Ibid. P. 196.

²⁶ *Moniteur Universel*, 1811. №81; и 1812. №190 соответственно.

²⁷ Так, сообщение, опубликованное в «Монитере» 8 марта 1811 г. (№67), является кратким пересказом донесения Коленкура от 4 февраля того же года. См.: Николай Михайлович, вел. кн. Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Наполеона. Т. VI. СПб., 1908. С. 179.

²⁸ За изученный период только в трех номерах «Монитера» встречаются прямые ссылки на российские газеты. *Moniteur Universel*, 1811. №285, 306, 1812. №110.

Первый раз количество публикаций о России существенно сократилось в феврале-марте 1811 г.²⁹ При этом в феврале заметок было довольно мало, на четыре номера, в которых есть упоминание Российской империи, приходится только шесть статей. В этом месяце писали о празднике в честь дня рождения императрицы³⁰, о награждении церковных иерархов и новом способе окраски тканей³¹. А в марте о России писали в пяти номерах, но заметок уже больше — 13. В одной из заметок, помеченной 15 февраля, говорилось о том, что канцлер Алексей Куракин отправился в отпуск по болезни³². Это сообщение важно тем, что Куракин был известным сторонником сближения с Францией и его отход от политики, даже временный, мог стать сигналом охлаждения отношений между двумя странами. В апреле статьи о России появляются уже в 11 номерах.

Причину такого невнимания следует искать, вероятно, в нараставшем у императора французов недоверии к своему восточному союзнику³³. В российские порты все чаще заходили так называемые нейтральные суда, на которых в страну ввозились английские товары, что нарушало условия Континентальной блокады. Еще один удар по франко-русским отношениям был нанесен публикацией новых таможенных правил, направленных против французских товаров³⁴. В это же время с границ герцогства Варшавского приходили сведения о передвижении российских войск и скоплении их на границе с герцогством. Такие маневры могли свидетельствовать о готовившейся войне против Франции. В ответ на эти действия Наполеон в конце марта — начале апреля составил собственный план военных действий против России, в основных чертах повторявший план кампании 1806–1807 гг.³⁵

В другой раз число сообщений существенно сократилось уже накануне войны 1812 года. В мае новости о России появлялись в шести номерах газеты, а в июне — уже только в четырех. На этот раз французский император уже сам готов был начать боевые действия, но хотел, чтобы все происходило согласно его плану, и ни в коем случае он не желал торопить события. Наполеон хотел начать войну и вести ее на территории западных губерний Российской империи, но для этого нужно было собрать все резервы и подождать того времени года, когда в районе будущих боевых действий армия смогла бы легко находить пропитание и фураж³⁶. В последние месяцы перед кампанией газеты не давали никакой информации, которая могла хоть как-то наметнуть на подготовку военных действий, боясь спровоцировать Александра на начало превентивной войны. Если судить только по газетным статьям, отношения между двумя императорами оставались прежними, и ничто не предвещало их ухудшения.

На протяжении всего периода подготовки кампании против Российской империи на страницах «Монитера» довольно часто появлялись различные заметки об этой стране. С их помощью у читателей формировался ряд стереотипов, многие из которых представляли собой повторение стереотипов эпохи Просвещения.

Во многих сочинениях XVII–XVIII вв. Россия представляется страной с суровым климатом³⁷. Следуя этому стереотипу «Монитера» довольно часто публиковал заметки о русской природе и стихийных бедствиях³⁸. В этих описаниях наполеоновская газета продолжала традиции предыдущих столетий. Чаще всего корреспонденты сообщали сведения, связанные с открытием или закрытием навигации, что, возможно, могло быть полезно купцам, отправляющим свои товары в Россию морем. При этом газета старалась дать по этому вопросу очень

²⁹ В феврале только в четырех номерах есть статьи о России, а в марте в пяти.

³⁰ *Moniteur Universel*, 1811. №41.

³¹ *Ibid.* 1811. №44.

³² *Ibid.* 1811. №69.

³³ *Вандаль А.* Наполеон и Александр I. Т. 4. Ростов-н/Д, 1995. С. 63–64.

³⁴ Указ был опубликован 19 декабря 1810 г. В «Монитере» его перепечатали в №31 31 января 1811 года.

³⁵ *Сироткин В. Г.* Дуэль двух дипломатий. Россия и Франция в 1801–1812 гг. М., 1966. С. 169.

³⁶ *Вандаль А.* Наполеон и Александр I. Т. 4. Ростов-н/Д, 1995. С. 383–384.

³⁷ Можно вспомнить описания природы России у шевалье д'Эона: «В течение восьми месяцев в году все наружные объекты, куда бы взгляд ни упал, покрыты снегом, и неудобство это еще чувствительнее в Сибири». Цит. по: *Строев А.* Россия глазами французов XVIII — начала XIX века // *Логос*. 1999. №8. С. 14.

³⁸ *Moniteur Universel*, 1811. №№292, 297, 322, 331; 1812. №№9, 12, 92, 153 и др.

точные сведения. Так, в конце декабря 1811 г. три дня подряд с 16 по 18 декабря приходят сообщения из Риги с уточнением дня, когда замерзла Западная Двина³⁹. Возникает, правда, вопрос, необходимо ли было указывать точный день ледостава, если газета пишет о событиях полуторамесячной давности: к моменту публикации заметок река, совершенно очевидно, замерзла и отправлять торговые корабли туда в любом случае не было никакого смысла.

Наряду с полезной информацией встречаются и традиционные для европейской публицистики XVIII в. описания «ужасов» российской погоды. Интересное сообщение пришло в конце февраля 1811 г. из Познани с сообщением, об очень сильных холодах в Уфе. Мороз здесь оказался очень суровым: начавшись с 15 градусов⁴⁰, к Новому году он достиг — 34°. При такой температуре, сообщали французские журналисты, птицы замерзали прямо в полете и падали на землю⁴¹. В начале апреля было опубликовано сообщение, помеченное Санкт-Петербургом, о сильных холодах «в Сибири у Нового Оскола»⁴². Здесь в феврале нашли шестерых замерзших людей, а волки приближались к жилищам и крали домашний скот, птицу и нападали на собак. Одно из этих голодных животных атаковало на хуторе трех крестьян, которые убили его и содрали шкуру⁴³. Вполне возможно, что это сообщение навеяно одним из рассказов о бароне Мюнхгаузене, который в своих путешествиях по России сталкивался с волком и победил его подобным образом⁴⁴. Заметка датирована 5 апреля, что является безусловной ошибкой, т.к. опубликована в газете от 7 числа того же месяца, а за два дня новость из России не могла дойти до столицы Франции. Но эта ошибка только усиливала эффект сообщения, т.к. читатели могли решить, что в России холода продолжают так долго.

В заметке, датированной 15 мая, сообщалось, что в конце марта в городе Саратове Астраханской губернии, когда обычно в этих местах начинается весна, выпало такое количество снега, что большинство домов оказались засыпанными, и много людей погибло от холода⁴⁵.

В газете публиковались довольно противоречивые сведения о погоде в России. Так, 17 сентября 1811 г. было напечатано сообщение о первых заморозках в Санкт-Петербурге⁴⁶, а в статье, помеченной 17 января 1812 г., утверждалось, что в Петербурге похолодало только накануне Нового года, но зима будет столь же суровой, как и в прошлом году⁴⁷. Подобная неразбериха в датах наступления зимы происходила, вероятно, из-за того, что Наполеон пытался перед началом войны смягчить широко распространенное представление о России как о стране, где холода продолжают восемь месяцев⁴⁸.

Летом самым страшным проявлением стихии были пожары, довольно часто случавшиеся в России. Так, большой пожар в Архангельске нанес ущерб на 2 млн. рублей⁴⁹, а в середине сентября 1811 г. публиковалась заметка о большом пожаре в Киеве, в результате которого Старый город практически весь выгорел⁵⁰. Подобные сообщения давали понять читателям, что в России города в основном деревянные, а следовательно, общий уровень развития страны невысок.

³⁹ 16 декабря «Монитор» заявил, что Двина покрылась льдом 30 октября, на следующий день было заявлено, что это произошло 29 числа, а 18 декабря было опубликовано сообщение, что 30 октября «Двина замерзла очень сильно». См.: *Moniteur Universel*, 1811. №№350–352.

⁴⁰ По шкале Реомюра.

⁴¹ *Moniteur Universel*, 1811. №84.

⁴² Непонятно, почему Новый Оскол оказался в Сибири, в 1811 г. этот город входил в состав Курской губернии.

⁴³ *Moniteur Universel*, 1811. №97.

⁴⁴ См.: *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003. С. 164–165.

⁴⁵ *Moniteur Universel*, 1811. №162. Возможно, датировка этого сообщения ошибочна, т.к. за такой промежуток времени (номер вышел 11 июня, а сообщение датировано 15 мая) информация вряд ли успела бы дойти из Саратова до Парижа, нужно учесть также и то, что заметка из Петербурга в том же номере датирована 12 мая.

⁴⁶ *Moniteur Universel*, 1811. №292.

⁴⁷ *Ibid.* 1812. №54.

⁴⁸ Коленкур в мемуарах неоднократно указывал на попытки императора описать сходства климатических условий России и Франции. См. например: *Коленкур А.* Указ. соч. С. 219–220.

⁴⁹ *Moniteur Universel*. 1811. №№215, 229.

⁵⁰ *Ibid.* 1811. №258.

В начале XIX в. Россия еще оставалась малоизученной страной, путешественники из Европы не часто имели возможность исследовать различные уголки империи и прилегающие к ней территории. «Монитор» не раз публиковал заметки о таких путешествиях. В газете был напечатан анонс второго тома описания кругосветного путешествия Крузенштерна⁵¹. Эта тема была продолжена через несколько месяцев, в статье, посвященной созданию комиссии по выяснению истинного положения дел на Камчатке, куда вошел и Крузенштерн. Поводом к созданию этой комиссии стал доклад знаменитого путешественника о бедственном положении на этой далекой окраине России⁵².

Гораздо больше места на страницах «Монитера» уделено описаниям Кавказа, опубликованным в основном уже в 1812 г. Интерес к этой теме вызван был в том числе тем, что через Кавказ лежал один из путей в Индию⁵³, а в то время в армии ходили слухи о том, что война против России могла превратиться в поход на Индию. В газете публикуются краткие заметки о путешествиях Жюля Клапрота⁵⁴, коллежского советника Стевена (Stewen)⁵⁵, а также Энгельгардта и Паррота⁵⁶. Эти заметки рисовали довольно экзотический образ народов, окружавших Россию. Так, проживающих здесь лезгин газета относит «к примитивной финской расе» (race Finoise)⁵⁷, а Энгельгардт и Паррот, по словам газеты, побывали в краях, где еще не бывал ни один «человек» (dans des pays où nul pas humain n'avait pénétré jusqu'f ce jour), хотя чуть дальше в той же статье говорится, что они обнаружили святилище, где ингуши отправляют свой культ⁵⁸. Другой французский путешественник, Клапрот, порицал мягкость российской системы управления на Кавказе⁵⁹ и советовал российским властям с помощью военной силы отучать местных жителей от занятий грабежом⁶⁰. Подобные советы довольно часто давались путешественниками по отношению к «нецивилизованным народам».

«Монитор» интересовался также территориями, находящимися недалеко от границ Китая. Торговля между двумя странами еще только зарождалась⁶¹, но газета отмечала выгоду и перспективность дальнейшего развития торговых отношений между двумя странами, хотя и подчеркивала, что «китайское правительство не собирается отменять запрет на въезд в страну русских или представителей каких-либо иных наций»⁶². Также на страницах «Монитера» неоднократно появлялась информация о караванах, приходивших в российские города из Хивы и Бухары⁶³. Торговля с этими странами была важна для России как возможная альтернатива торговым отношениям с Англией, т.к. из Средней Азии среди прочих товаров привозили хлопок⁶⁴, в котором Российская империя испытывала в тот момент недостаток. Таким образом газета давала понять своим читателям, что Континентальная блокада способствует развитию отношений России с близлежащими странами, а постоянные ее нарушения являются следствием непонимания русскими собственных экономических интересов и проявлением враждебных намерений по отношению к Франции. В поддержку такого мнения должно было свидетельствовать введение нового таможенного тарифа в конце 1810 г.

Несколько статей в «Монитере» было посвящено успехам цивилизаторской деятельности российских властей на границах. Так, в двух номерах от 3 и 17 июля 1811 г. сообщается об

⁵¹ Moniteur Universel, 1811. №121.

⁵² Ibid. 1811. №248.

⁵³ Ibid. 1812. №68.

⁵⁴ Ibid. 1812. №5. Клапрот Ж. 1783–1835 гг., востоковед и путешественник, в 1802–1812 гг. адъюнкт азиатских языков Петербургской Академии наук, подробно изучал языки народов Кавказа.

⁵⁵ Ibid. 1812. №68. Стевен Х.Х. 1781–1863 ботаник и энтомолог, с 1815 г. член-корреспондент Петербургской Академии наук, в 1812 организовал Никитский ботанический сад в Крыму.

⁵⁶ Ibid. 1812. №№99 и 157. Паррот Ж.Ж., натуралист и путешественник, в 1811 г. предпринял вместе с Энгельгардтом большое путешествие по Крыму и Кавказу, в 1815-м стал главным хирургом российской армии. Энгельгардт М. 1779–1842, геолог, профессор минералогии Дерптского университета.

⁵⁷ Ibid. 1812. №60.

⁵⁸ Ibid. 1812. №99.

⁵⁹ Ibid. 1811. №329.

⁶⁰ Ibid. 1812. №5.

⁶¹ Ibid. 1811. №297.

⁶² Ibid. 1812. №5.

⁶³ Ibid. 1811. №№267, 295, 1812. №№12, 105.

⁶⁴ Ibid. 1811. №295.

успехах вакцинации в Оренбургской губернии, где в течение марта–апреля получили прививки более 400 детей⁶⁵. Этническая принадлежность этих детей была для читателей неважна, поэтому и осталась до конца невыясненной⁶⁶.

Еще одним успехом в деле приобщения к цивилизации кочевых народов стало распространение среди них земледелия, «наиболее полезного из всех видов деятельности»⁶⁷. Земледелие стало распространяться среди бурятов и монголов в Иркутской провинции Восточной Сибири, где вожди этих племен, глядя на успехи русских крестьян, живущих по соседству, стали им подражать. Следом за вождями и остальные представители этих племен начали заниматься земледелием. Таким образом, кочевники переходили к оседлому образу жизни⁶⁸. Подобные сообщения должны были свидетельствовать о богатстве удаленных провинций Российской империи, а следовательно, показывали ее потенциальную опасность.

Богатствам Сибирских губерний Российской империи (к которым отнесены Пермская, Оренбургская, Тобольская, Томская и Иркутская) посвящена также большая статья, опубликованная в «Монитере» 11 ноября 1811 г.⁶⁹ В этих губерниях, по словам газеты, урожаи зерна очень высоки, а «количество крестьян, владеющих более чем 1000 лошадей вскоре может стать неисчислимым, если болезнь, известная как сибирская язва, не опустошит поголовье. В один год эта болезнь унесла 28000 лошадей, а в этом году несколько меньше»⁷⁰. Кроме того, в Сибири активно развивается пчеловодство, от чего стало уже страдать выращивание хлеба, т.к. производство меда не столь трудоемко и более продуктивно. В особенности стараются обучиться искусству разведения пчел поляки, которые здесь обитали⁷¹. В следующем году в «Монитере» уже не было подобных статей, возможно, чтобы накануне войны не пугать французов неисчислимыми ресурсами России.

В эпоху наполеоновского правления французы вели почти непрерывные войны, в том числе с Россией, поэтому их интересовала любая информация о состоянии, численности и уровне подготовки российской армии. В «Монитере» писали о спуске на воду на Балтике новых кораблей⁷², что должно свидетельствовать об укреплении российского флота, направленном, в первую очередь, против Англии. Несколько раз газета пишет о маневрах сухопутных войск, на некоторых из которых лично присутствует император⁷³. Необходимость проведения столь масштабных маневров при этом никак не объяснялась. А в конце года был опубликован указ Александра I о рекрутском наборе на 1812 г. Производство набора обосновывается необходимостью поддержания полного комплекта в вооруженных силах⁷⁴. С помощью подобных сообщений французские власти, вероятно, пытались доказать, что Россия первая стала готовиться к войне и именно на ней лежит ответственность за начало конфликта. Еще одним доказательством этого могли служить работы по улучшению дорог и почтового сообщения между Санкт-Петербургом и Белоруссией, о чем газета писала в мае 1812 г.⁷⁵

Могущество Российской империи умножалось еще и за счет роста населения, численность которого ежегодно увеличивалась. Так, в 1809 г. рост составил 452 257 человек⁷⁶, что должно было свидетельствовать об общем росте могущества России, дополнительно увеличивая потенциальную угрозу с ее стороны европейским государствам.

⁶⁵ *Moniteur Universel*. 1811. №№184, 198.

⁶⁶ В одном номере они названы киргизами. *Moniteur Universel*. 1811, №184, а в другом — башкирами. *Ibid.* 1811. №198.

⁶⁷ *Ibid.* 1811. №191.

⁶⁸ *Ibid.* 1811. №220.

⁶⁹ *Ibid.* 1811. №315.

⁷⁰ *Ibid.*

⁷¹ *Ibid.*

⁷² *Ibid.* 1811. №№169 и 188.

⁷³ *Ibid.* 1811. №№212 и 276.

⁷⁴ *Ibid.* 1811. №339.

⁷⁵ *Ibid.* 1812. №130. Врач наполеоновской армии Генрих Роос отметил позже в своих мемуарах хорошее качество дорог вокруг Вильно. См. Роос Г.У. С Наполеоном в Россию: записки врача Великой армии. М., 2003. С. 20.

⁷⁶ *Ibid.* 1811. №100.

Но чтобы не запугивать чрезмерно своих читателей, «Монитор» старался показать российскую армию не столь уж сильным противником. И в первую очередь, газета давала понять читателям, что у русских нет достойных полководцев. Генерал Каменский умер⁷⁷, новый командующий российской армии в Румынии — М.И. Кутузов — действует не очень эффективно. Из рапортов генерал-квартирмейстера Дунайской армии, опубликованных в газете, следовало, что победа под Рущуком не была большим успехом российских войск, т.к. пленных взято не было, а турецкую армию не преследовали, дав ей спокойно отойти с поля боя⁷⁸. Такое сообщение должно было обнадеживать читателей, ведь если русские так долго не могут выиграть войну против турок, то в случае столкновения с великолепной французской армией, да еще и под руководством самого Наполеона итог войны уже практически предрешен.

Символическим свидетельством слабости современной российской армии стало сообщение о гибели генерал-майора графа Суворова, сына покойного фельдмаршала. Произошло это событие на берегу реки Рымник, «в тех самых местах, где его отец одержал славную победу»⁷⁹. Таким образом читателям давали понять, что российская армия, столь грозная и победоносная в эпоху Екатерины II, уже не представляет былой опасности. Но незадолго до начала кампании 1812 г. «Монитор» напомнил читателям о жестокости российских солдат. Восьмого июня было опубликовано сообщение о нападении российских войск на Систов (Sistow), где они разграбили и сожгли большое количество товаров, а также увели всех жителей, кого смогли заставить это сделать⁸⁰. Мотив увода населения российскими войсками вызывает ассоциации с другим документом, широко распространенным в начале XIX в. — «Завещанием Петра Великого»⁸¹, согласно которому именно так завоеватели должны были поступить с населением покоренной Европы.

В «Монитере» можно найти косвенные свидетельства того, как постепенно начинал разваливаться франко-русский союз. В начале 1811 г. отношения между тильзитскими союзниками уже заметно испортились, но император французов еще не был готов к войне и, судя по всему, не знал о планах России, которая активно проводила модернизацию армии и стягивала войска к границам герцогства Варшавского⁸². Но, судя по всему, император уже не доверял своему союзнику, опасаясь, и небезосновательно, нападения на свои польские владения. И по этой причине командовавший в Испании Массена не получал подкреплений⁸³.

«Монитор» на протяжении 1811–1812 гг. сообщал о недобросовестном исполнении Россией условий Континентальной блокады. В Риге конфискованные товары продавались через специальную контору⁸⁴, тогда как в других странах, да и в самой Франции, конфискованные товары публично сжигались. Газета намекала, каких действий ждут от России: 12 января было опубликовано сообщение из Лондона о том, что там опасаются ужесточения Континентальной блокады со стороны Петербурга⁸⁵. Но император французов пока не хотел обострения конфликта с Россией, поэтому «Монитор» дважды опубликовал опровержение слухов о неизбежности войны между Россией и Францией. Эти слухи, по уверениям газеты, порождены в Лондоне, откуда распространились по Германии⁸⁶. Также ходили слухи о заключении мира между Россией и Турцией, после чего большая русская армия направилась в российскую часть Польши⁸⁷. В этом номере сообщение никак не опровергалось, но уже через три дня, со ссылкой на английскую газету «Independent Whig», утверждалось, что в

⁷⁷ *Moniteur Universel*, 1811. №№167 и 235.

⁷⁸ *Ibid.* 1811. №216.

⁷⁹ *Ibid.* 1811. №165. Подробнее о гибели А.А. Суворова см.: *Бантыш-Каменский Д.М. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов*. М., 1991. Т. I. С. 197.

⁸⁰ *Ibid.* 1812. №160.

⁸¹ *Lesur Ch. Des progres de la puissance Russe, depuis son origine jusqu'au commencement du XIX-e siècle*. Paris, 1812. P. 178–179.

⁸² *Вандаль А. Наполеон и Александр I*. Т. 4. Ростов-н/Д, 1995. С. 67.

⁸³ Там же. С. 63.

⁸⁴ *Ibid.* 1811. №№2 и 10.

⁸⁵ *Ibid.* 1811. №12.

⁸⁶ *Ibid.* 1811. №№6 и 18.

⁸⁷ *Ibid.* 1811. №18.

России вскоре выйдет указ о запрете ввоза колониальных товаров⁸⁸. И еще через несколько дней была перепечатана заметка из газеты «The Star», где говорилось об аресте в России более 250 кораблей с английскими товарами⁸⁹. Эти статьи давали понять читателям, что Российская империя по-прежнему следует духу Тильзитского договора. Но дальнейший ход событий лишь подтвердил те слухи, которые газета так старательно опровергала.

В последний день января в «Монитере» был опубликован полный текст указа Александра I об ограничениях во внешней торговле и введении нового таможенного тарифа⁹⁰. Этот тариф был направлен в первую очередь против ввоза французских товаров и стал для Наполеона сигналом того, что Россия готовится к разрыву отношений с ним и сблизиению с Англией⁹¹.

Несколько позже публикуется даже сообщение о том, что английское правительство выделило 17000 фунтов на покупку пеньки в России⁹². Такое известие должно было свидетельствовать о пренебрежении Россией своими союзническими обязательствами. В то же время, подчеркивалось в «Монитере», Франция осталась верна Тильзитским и Эрфуртским договорам и продолжила разрушение укреплений Данинга⁹³. А король Дании, будучи верным союзником Наполеона, в апреле 1812 г. подтвердил указ о Континентальной блокаде⁹⁴.

Накануне войны приходят сообщения о больших караванах судов, которые проходят через Зунд в Балтику⁹⁵, такие сообщения должны были наводить читателей на мысль, что Россия фактически отказалась от выполнения условий Континентальной блокады.

После публикации нового тарифа на протяжении оставшихся 11 месяцев 1811 г. в газете практически не поднималась тема продажи в России английских товаров и соблюдения ею условий Континентальной блокады. Вероятно, император французам не хотел излишнего обострения отношений, т.к. сам в тот период еще не был готов к большому столкновению с Россией.

Зато стали появляться сообщения об успехах российской промышленности и развитии производства сырья для нее. Так, появляются сообщения о распространении в России новой породы овец-мериносов, предназначенных для получения шерсти⁹⁶, а также об очень успешной работе крупной мануфактуры в Ярославле, принадлежащей г-ну Яковлеву. Эта мануфактура, по свидетельствам газеты, в прошлом году выпустила полотна отличного качества на сумму 1102170 рублей⁹⁷. Описывая стекольную фабрику Орлова в Калужской губернии, газета прямо утверждала, что ее продукция лучше английской, а доход от этой фабрики достигал 40000 рублей в год⁹⁸. С помощью подобных сообщений газета доказывала пользу Континентальной блокады для экономики Российской империи, т.к. многие товары, закупавшиеся ранее в Англии, теперь, как указывалось в «Монитере», производились на месте. О росте экономики свидетельствовал и рост курса рубля на основных французских биржах: в Париже, Амстердаме и Гамбурге⁹⁹. Так, по отношению к франку 26 ноября курс составлял 100 сантимов за рубль, 20 декабря уже 140 сантимов, правда, затем он резко снизился и к 27 декабря достиг 120 сантимов, но с началом нового года продолжил рост, хоть и не столь стремительно, достигнув к 14 января 1812 г. 128 сантимов за один российский рубль. Аналогичными были и колебания рубля по отношению к другим континентальным валютам¹⁰⁰. При этом причины таких резких колебаний никак не объяснялись и ни в одном номере газеты не приводились данные об изменениях курса российской валюты относительно британского фунта. Об общем укреплении рубля должно

⁸⁸ *Moniteur Universel*, 1811. №21.

⁸⁹ *Ibid.* 1811. №25.

⁹⁰ *Ibid.* 1811. №31.

⁹¹ *Вандаль А.* Наполеон и Александр I. Т. 4. Ростов-н/Д, 1995. С. 65.

⁹² *Ibid.* 1811. №250.

⁹³ *Ibid.* 1811. №139.

⁹⁴ *Ibid.* 1812. №121.

⁹⁵ *Ibid.* 1812. №№159, 171, 173, 174.

⁹⁶ *Ibid.* 1811. №№162, 293, 315.

⁹⁷ *Ibid.* 1811. №195. В статье, правда, не указывается, что эта мануфактура работала в основном на государственные заказы.

⁹⁸ *Ibid.* 1811. №162.

⁹⁹ *Ibid.* 1812. №9.

¹⁰⁰ *Ibid.* 1812. №39. В этом номере опубликована большая статья об изменениях курса рубля на биржах Парижа, Гамбурга и Амстердама за период с 26 ноября 1811 по 14 января 1812 г.

было свидетельствовать уничтожение комиссией по погашению государственного долга 5 млн. рублей ассигнациями¹⁰¹.

За все то время, пока собирались силы для кампании против России, в «Монитере» нельзя найти никаких указаний на подготовку большого похода на восток. Правда, надо заметить, что Наполеон еще в 1800 г. запретил редакторам газет публиковать какую бы то ни было информацию о передвижении войск внутри подчиненных ему территорий, и этот запрет соблюдался неукоснительно¹⁰². Таким образом Первый консул не хотел доставлять своим противникам сведений о своих маневрах. Но в июне 1812 г. было уже невозможно скрыть огромные массы войск, передвигающиеся по направлению к российским границам. В качестве оправдания подобных действий Наполеон выдвинул гипотезу о подготовке англичанами десанта на балтийском побережье¹⁰³. Эта гипотеза была поддержана «Монитером». На протяжении июня газета 14 раз публиковала сообщения о столкновениях с английскими судами у берегов Дании и Норвегии, а также об обстреле британских судов в проливе Зунд¹⁰⁴.

Используя многие стереотипы эпохи Просвещения, газета описывала угрозу со стороны России, но одновременно пыталась объяснить читателям, что в данный момент эта империя не столь опасна, что должно было наводить читателя на мысль, что лучше начать войну с Россией сейчас, пока эта империя не стала еще более могущественной.

Если судить об отношениях между Францией и Россией в 1811–1812 гг. только по статьям «Монитера», то можно уловить лишь косвенные свидетельства ухудшения отношений между двумя странами. Не было практически никакой «идеологической» подготовки к началу такого большого конфликта, каким обещала быть война с Российской империей. Главная газета империи, имевшая монополию на внешнеполитическую информацию, продолжала писать о России в прежнем ключе. Статьи об империи Александра I повествовали о жизни петербургского двора, об успехах экономического развития страны, а также о различных интересных происшествиях (как-то примеры «небывалого» долгожительства или необычные климатические явления).

Читатели «Монитера» оставались в неведении относительно истинных отношений между бывшими союзниками до 4 июля, когда был опубликован отчет о заседании сената, на котором зачитывали обращение императора о начале войны с Россией¹⁰⁵. К этому сообщению прилагались тексты союзных договоров с Австрией (от 14 мая 1812 г.) и Пруссией (от 24 февраля 1812 г.). Только теперь читатели могли достоверно узнать, что отношения между двумя союзниками начали портиться уже давно.

На протяжении всего изучаемого периода через «Монитер» французское общество исподволь готовило к будущей войне, конструируя стереотипы, которые должны были продемонстрировать читателям потенциальную угрозу со стороны Российской империи и одновременно показать ее нынешние слабости. Читатели должны были прийти к заключению, что война с Россией неизбежна, поэтому воевать с ней лучше сейчас, пока она не набрала всей своей силы и пока французской армией руководят блестящие полководцы во главе с самим императором.

Подобная пропаганда велась не только посредством «Монитера», но и с помощью других доступных французскому министерству полиции способов распространения нужной информации.

Summary

Cet article est consacré à la propagande antirusse dans le *Moniteur Universel* à la veille de l'invasion de Napoléon pour la Russie en 1812. A la période indiquée la presse française expliquait petit à petit au lecteur que la guerre contre le Colosse du nord est nécessaire de commencer notamment au moment donné. Dans l'article on examine les méthodes de la propagande napoléonienne pour la préparation des Français de la guerre. Le *Moniteur Universel*, le journal officiel du gouvernement français de ce temps, est devenu la source principale.

¹⁰¹ Ibid. 1811. №235.

¹⁰² Cabanis A. Op. cit. P. 225.

¹⁰³ Вандаль А. Наполеон и Александр I. Т. 4. Ростов-н/Д, 1995. С. 73.

¹⁰⁴ См. *Moniteur Universel*, 1812. №№159, 160, 167, 168, 177, 180.

¹⁰⁵ Ibid. 1812. №186.